
ОБРАЗОВАНИЕ в 2013 г. ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

Дискуссия состоялась летом 2003 г. в Москве в Государственном университете — Высшей школе экономики.

Участники

Давид Львович Константиновский — заместитель директора Института социологии РАН.

Ярослав Иванович Кузьминов — ректор Государственного университета — Высшей школы экономики.

Елена Наумовна Пенская — заместитель главного редактора сетевого издания «Русский журнал».

Анатолий Аркадьевич Пинский — директор школы № 1060 г. Москвы.

Евгений Федорович Сабуров — научный руководитель Института развития образования Государственного университета — Высшей школы экономики.

Исаак Давидович Фрумин — координатор образовательных проектов Всемирного банка.

Андрей Александрович Фурсенко — заместитель министра промышленности, науки и технологий Российской Федерации (ныне — министр образования и науки России).

Лев Ильич Якобсон — первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики.

Я.И. Кузьминов

Мы попытаемся обсудить, каким будет образование в мире и, в частности, российское образование через 10 лет — в 2013 г. Любой прогноз предполагает компетентность экспертов — так вот, наша компетентность ограничена примерно ближайшими десятью годами. Изменения в технологиях и социальных инструментах идут очень быстро, в некоторых случаях — взрывообразно, и 10 лет — очень много. Поэтому мы собрали ведущих в своих областях экспертов, на прогностический потенциал которых можем рассчитывать.

Далее, мы хотели оценить и все возможные сценарии развития российского образования в контексте понимания нашего места, нашего инновационного потенциала в мировой экономике. Здесь нет профессионалов, потому что такая повестка обсуждается впервые. Есть люди, которые занимаются форсайтом и его методологией. Есть люди, которые занимаются изучением экономики и образования, социальных преференций в отношении образования, его экономических механизмов. Но общей картины все равно ни у кого нет, поэтому «правильных» профессионалов здесь нет. Я думаю, что наша задача — обозначить некоторые точки для более широкого обсуждения.

Что такое 10 лет? Представьте себя в 1993 г. Наш прогноз на 2003 г. был бы существенно отличен от действительной картины. Во-первых, тогда еще была жива структура советской экономики — предприятия, инженеры, директора. Все ожидали, что после рыночной реструктуризации и конверсии оборонного сектора будет восстановлено и станет быстро развиваться промышленное производство в своих классических секторах: машиностроение, промышленность конструкционных материалов, легкая и пищевая промышленность. Соответственно экономика предъявит заказ на квалифицированных инженеров и технологов по всему спектру. Фактически система образования, ее десижнмейкеры (ректоры, директора техникумов, руководители Комитета по высшей школе) такое видение воплотили в жизнь в 1990-е гг. Инерция воспроизводства невостребованных инженеров и технологов имеет причиной ограниченность видения.

Во-вторых, никто не предполагал такого социального провала бюджетного сектора, который случился. Соответственно сегодняшние негативные явления в массовом образовании: коррупция на входе и в рамках образовательных программ, резкое падение качества преподавательского корпуса — не могли быть предсказаны. Прогноз мог ориентироваться на положение педагогов на Западе, в рыночных экономиках, а там оно практически не отличалось от положения в СССР: большая свобода в обмен на несколько меньшую зарплату и высокий социальный статус.

В-третьих, вряд ли был бы возможен прогноз нынешнего «наве-са высшего образования», когда оно выросло до половины возрастной когорты, а 88% семей считают его желательным. Скорее эксперты предсказали бы отлив от вузов в пользу приобретения конкретных квалификаций в сфере услуг и малого бизнеса. Ведь люди должны были бы использовать появившиеся возможности предпринимательства и быстрого заработка. Против роста высшего образования говорило и грюндерство начала 90-х, когда жизненный успех складывался вне зависимости от уровня образования, на основе случайных факторов, инициативы и наличия полезных знакомств.

В четвертых, в части технологий образования прогноз 1993 г., скорее всего, не увидел бы части возможностей интернет-технологий, в первую очередь экспоненциального роста возможностей справочных ресурсов, внешних по отношению к образовательной системе.

В-пятых, мы вряд ли сумели бы в 1993 г. различить социальную опасность разрушения идеологической (воспитательной) составляющей образовательной системы. Слом пионерско-комсомольской атрибутики рассматривался тогда однозначно — как прорыв к свободе. Но воспитательная пустота школы, будучи ничем не заполнена, породила огромное количество негативных явлений — от преступности и терроризма до пренебрежения к слабым, разрушения общественной морали.

Такой список можно еще продолжать.

Так что прогноз на 10 лет — штука сложная. Представляя будущее, надо учитывать не только пожелания и позитивные возможности, но и возникающие риски и негативные тенденции. Прогноз образования имеет экономические и социологические основы и ограничения.

В этой связи предлагаю следующие параметры обсуждения.

Первое — это спрос, который общество предъявляет к системе образования: кто будет востребован обществом через несколько лет, изменятся ли по сравнению с сегодняшним днем критерии социализации и профессиональной подготовки. Как будут менять свои требования сегодняшние «заказчики» образования: государство, семьи, работодатели. Добавятся ли к ним новые, например, общественные объединения, церкви?

Вторая тема — это тенденции развития структуры и технологий самого образования, в первую очередь связанные с новыми информационными возможностями. Интернет-революция резко расширяет образовательные рынки. Но она еще и меняет внутреннюю структуру процесса образования, формируя у обучающихся воз-

возможность поиска дополнительной и альтернативной информации, возможность оспаривания преподавателя. Интернет-информация имеет справочный и «разжеванный» характер — достаточно вспомнить знаменитые сайты рефератов (подсказок). Монологическому и систематическому характеру «классического» образования начинает противостоять полифонический, диалоговый и «клиповый» мир Интернета. Мне кажется, что это требует нового учителя и вообще ведет к коренному перелому в отношении «учитель — ученик».

Третья — это проблема ресурсов, ресурсного обеспечения. В нашем образовании уже 15 лет существует феномен недофинансирования. То есть учебные заведения вынуждены реализовать расширяющиеся по охвату образовательные программы с ресурсами, недостаточными для их простого воспроизводства. Адаптация к таким условиям породила причудливые формы псевдообразования. Сегодня общество (и государство, и семьи, и кое-где даже работодатели) начинает понимать, что «дешево (а тем паче бесплатно) хорошо не бывает», ресурсный потенциал образования начинает восстанавливаться. Давайте рассмотрим варианты нашей образовательной системы при разных ресурсных ограничениях — скажем, при сохранении нынешней доли ВВП, идущей на образование — где-то 5%, и при ее увеличении до 6%.

Четвертая — последствия открытия экономики и политической системы России, нашего включения в мировой рынок. Оно происходит как на уровне предприятий, которые нанимают иностранцев в качестве высших менеджеров, так и на уровне семей, которые отправляют детей учиться за границу. Не следует недооценивать даже сегодняшние масштабы таких процессов. По данным международных организаций, занимающихся обменов, от четверти до трети российских семей, имеющих соответствующие финансовые возможности, обучает детей в европейских (в основном) университетах. Это очень много.

Включение в мировой рынок имеет еще два аспекта. Российские вузы обучают сейчас значительное число студентов из Китая и развивающихся стран, хотя их совокупный доход не превышает нескольких сот миллионов долларов. Это на порядок меньше, чем в США или Великобритании. Следует признать, что на мировом образовательном рынке мы занимаем нишу дешевого образования. Выйдем ли мы из этой ниши, есть ли у российской образовательной системы соответствующие возможности?

Последний аспект — это модификация образовательной системы страны под воздействием интернационализации требований к выпускникам. Здесь и последствия вступления в Болонский про-

цесс, и набор обязательных предметов в средней школе... Впрочем, это относится и ко второй теме — изменение структуры образования.

Л.И. Якобсон

Расхождение спроса и предложения в сфере образования — это, на мой взгляд, ключевая тема. В ее контексте стоит рассматривать первоочередные меры реформы образования, хотя ими эта тема никак не исчерпывается.

Внешний (впрочем, очень важный) ее аспект — количественное несоответствие спроса и предложения кадров по уровням образования, специальностям, территориям и т.п. Не буду этот сюжет комментировать — он у всех на слуху, при том, что требует совсем не простых действий. Еще аспект, лежащий чуть глубже, но также широко обсуждаемый: нынешние направления и специальности удобны для структурирования предложения, но зачастую не слишком удобны для структурирования спроса. Имею в виду не тот или иной конкретный перечень направлений и специальностей, а сам способ структурирования. «Единица предложения» складывается, как из кубиков, из изучаемых дисциплин: специальность X есть сумма изучения предметов $A_1, A_2, \dots, A_n$, плюс производственная практика, плюс дипломная работа. Между тем, «единица спроса» — это, например, способность хорошо работать менеджером по продажам или рядовым менеджером на стройке. Я называю отрасли, которые быстро развиваются и будут развиваться. Нужные качества формируются наполовину изучением ряда дисциплин, а на вторую половину складываются из наблюдательности, коммуникабельности, а подчас и элементов актерского мастерства и других подобных навыков.

При этом, во-первых, в «единицах предложения» дисциплины зачастую собраны не в те «пучки», в которых они присутствуют в типичных «единицах спроса», во-вторых, отношение к знаниям и навыкам на стороне спроса и на стороне предложения — разное. Для работодателя одинаково важно, чтобы менеджер разбирался в товароведении и бухучете, с одной стороны, и умел общаться с клиентами, с другой. Последнему, вообще говоря, можно учить не менее успешно, чем бухучету. Только делать это приличному вузу пока зазорно. Идея компетентного подхода, вроде бы, снимает проблему. Но пока-то мы имеем дело, причем не всегда успешно, в основном с переходом от академических знаний к «полуакадемическим» компетенциям. Грубо говоря, признается, хотя не всегда реализуется, требование не просто знать, что такое эластичность спроса, но и умение «разглядеть» ее роль в реальной экономической ситуации, а лучше — умение ее оценить. Но отсюда,

конечно, далеко до введения в вузовские программы умения обязательно улыбаться. Я и сам, конечно, не предлагаю это сделать. Просто заостряю проблему, чтобы показать, что быстро исчерпать ее не удастся.

Кстати, несколько лет назад я поставил маленький и, конечно, не репрезентативный эксперимент. Я попросил нескольких своих коллег описать, что значит успешно учиться. После того как давался ответ, следовал другой вопрос: к какой карьере лучше всего подготовлен выпускник, который учился идеально — к карьере профессора или, скажем, крупного предпринимателя, политика и т.п. Во всех случаях получалось, что идеал обучения суть идеальная подготовка к ученой карьере. Другие же карьеры наряду со знаниями требуют «личных качеств», которые вузы не формируют, более того, неясно, должны ли формировать и как это делать. В общем, получается, что университет — место, где профессора готовят профессоров из наиболее способных студентов, а менее способные с пользой для себя присутствуют при данном процессе.

Итак, признать полезность компетентностного подхода недостаточно. Труднее уйти от «иерархических» представлений об образовании, включая компетенции. Трудно примириться с тем, что шкала качества расположена не по «вертикали», когда на вершине «энциклопедист», способный применять знания. Трудно принять «горизонтальную» шкалу, на которой успех — это «попадание в точку», при том, что «точки» самые разные. Имею в виду адекватность образования потребностям и возможностям конкретного человека, так чтобы в итоге он был наилучшим образом подготовлен к действиям в желательной для него социальной нише.

Вновь подчеркну: искренне отстаивая только что сказанное, как принцип, я не призываю к безоговорочному возвеличиванию простейших навыков. А уж если говорить о стереотипах повседневного педагогического поведения, то они обладают собственной инерцией. Можно принять политическое решение, что следует ориентироваться на спрос; можно и нужно по возможности последовательнее реализовать эту идею в стандартах и программах. Однако гораздо труднее изменить стилистику образовательного процесса. К тому же инерционность поддерживается ссылками на отечественные традиции. Никак не отрицая их позитивного значения, хочу сказать вот о чем. Нередко национальными особенностями сегодня объявляются те черты образования, которые полтора столетия назад были вполне общераспространенными. Просто у нас они оказались более живучими, в частности, из-за косвенных последствий идеологического контроля.

Эти черты определяли гимназическую и университетскую культуру, в которых были воспитаны в том числе Маркс и Ленин. Речь не о конкретном содержании марксизма. Оно включало, например, призыв «переделать мир», но формировалось и излагалось через плетение схоластических кружев. В XIX в. такое занятие еще считалось высшим пилотажем науки и образования, при том, что кружева могли быть не марксистки-красными, а реакционно-белыми, черными, какими угодно, да и рисунки иметь разные. Там, где работы Маркса и Ленина были предметом обязательного изучения в качестве непревзойденных образцов, естественно, консервировалась воплощенные в них стереотипы. Конкретные тезисы марксизма обсуждались, робко критиковались, со временем даже отвергались, но, по сути, вне обсуждения оставался дух старинного германского университета и провинциальной российской гимназии. Все мы воспитаны в этом духе, и мне, например, не кажутся странными безоговорочное почтение к академизму, восприятие прагматичности как едва ли не синонима вульгарности, предубеждение против конкуренции, презрение к обывательской суете и житейскому успеху и т.п. Более того, еще 20 лет назад смелым и, по-своему, позитивным было сравнение советского образования со «старорежимными» гимназиями и университетами в пользу последних.

Но мир двигался отнюдь не к возрождению «старорежимности» в образовании, он требовал перемен. Перемены дали, разумеется, не только приобретения, но и потери. Но отгораживаться от них бессмысленно, даже если они не во всем симпатичны. Впрочем, за отторжением изменившегося спроса обычно скрываются не только сентиментальность и консерватизм, но и вполне прагматичный настрой, будь то желание спокойно доработать до пенсии или умение извлечь материальную выгоду из нынешней ситуации.

В общем, на десятилетний период, о котором нам предложено порассуждать, явно придется не только сближение образовательного предложения со спросом в их простейших аспектах, но трудное и, наверняка, медленное переосмысление природы предложения.

Впрочем, со спросом все также непросто. Он в свою очередь многоаспектен и противоречив. Одно дело — спрос работодателей на кадры, адекватные имеющимся рабочим местам, другое — кадровое обеспечение перспективных структурных сдвигов в экономике, третье — стремление «откосить от армии», четвертое — заинтересованность человека в подготовке, которая дала бы ему конкурентные преимущества на рынке труда, пятое — желание получить «старорежимно» хорошее образование, шестое — заинтересованность каждого из нас в конструктивной социализации молодого по-

колениа. Можно было бы продолжать, но и то, что названо, не просто дополняет друг друга, а лежит в разных плоскостях, где-то не соприкасается, а где-то едва не исключает друг друга.

К тому же субъекты спроса сегодня незрелы. Работодатель подчас не умеет четко объяснить даже самому себе, чего ожидает от образования кадров. То же можно сказать о большинстве семей. Это неслучайно. Десятилетиями прямое взаимодействие субъектов предложения и спроса на образование замещалось действиями государства. Затем старые механизмы разрушились, причем на стороне спроса возникла непредсказуемость, а на стороне предложения — глухая оборона образовательных учреждений и профессионального сообщества от воздействий неблагоприятной среды. За это нельзя осуждать. Образование было, по сути, вынуждено выстраивать оборонительные укрепления, это определило, в частности, логику образовательного законодательства. А тут еще привычные представления, в которые органично вписывались башня из слоновой кости и нежелание быть «сферой обслуживания». Место удовлетворения спроса заняли, с одной стороны, упорная консервация того, что сложилось прежде, с другой — подчас заведомая халтура в «коммерческом» секторе образования.

Самые последние годы — это время постепенного осознания и упорядочения как спроса, так и предложения, время наведения между ними мостов, пока не слишком надежных, время, когда субъекты спроса и предложения учатся понимать друг друга. В итоге стала возможной реформа образования, смысл которой, на мой взгляд, — это именно выход из состояния глухой обороны и формирование адекватных механизмов взаимодействия с изменившимся обществом, включая, разумеется, и экономику. Двухуровневое высшее образование, ЕГЭ и ГИФО, участие организаций работодателей в управлении образованием и многое другое — элементы таких механизмов. Но это, конечно, не все необходимые элементы. Так что на десятилетие работы явно хватит, и не стоит ожидать, что усилия сразу принесут огромную отдачу.

Д.Л. Константиновский

Очень важно, что в нашем разговоре прозвучала тема социальной мобильности, возможности которой должна предоставлять система образования. Наши исследования показывают, что, к сожалению, социальная дифференциация, социальное неравенство в нашей образовательной сфере за последние примерно 15 лет существенно возросли. В профессиональном образовании, можно сказать, каждая ветвь — вуз, техникум, ПТУ — обслуживает свои определенные слои населения, является именно для них экологи-

ческой нишей. Вообще в мире было предпринято немало усилий для того, чтобы выравнять возможности разных социальных групп в сфере образования. В школьном образовании повсюду удалось сделать больше, чем в профессиональном. У нас сейчас в вузах, техникумах, ПТУ социальная дифференциация примерно такая же, как и прежде. А вот в школе ситуация существенно переменялась к худшему. Вырос отсев, статистика показывает, что каждый десятый в возрастной когорте не получает и 9-классного образования и отсеиваются прежде всего выходцы из так называемых нижних слоев. В выпуске из полной школы их доля резко уменьшилась. Это означает, что у выходцев из этих слоев сокращаются возможности для социальной мобильности, поскольку она в значительной степени зависит от образования. Так мы получим приращение социальной напряженности, а не качества работников. Конечно, все это — отражение роста дифференциации общества. Система образования ведь, как говорится, не на облаке. Она — зеркало общества и его часть. Но отсюда не следует, что не нужна или бесполезна целенаправленная деятельность для того, чтобы по возможности выравнивать шансы выходцев из разных социальных групп. Конечно, делать это надо не дискриминационными методами, такой печальный опыт у нас был.

Я.И. Кузьминов

В отношении спроса экономики на образование я попробую сформулировать некую гипотезу. В требованиях платежеспособной части общества (я включаю сюда и семьи, и предприятия, но не все семьи и не все предприятия) к системе образования происходит достаточно ощутимый сдвиг. Это сдвиг от потребности в «людях с дипломом» (скажем, инженера, юриста или врача), к поиску людей, которые обладают конкретными умениями. Не просто *знают*, но и *могут*.

Насколько все это ново?

Экономика, столкнувшись с изменениями, в очередной раз перестала автоматически доверять образовательной системе. Принципиально нового в этом явлении нет, если мы с вами обратимся к 1920–1930-м гг., то увидим тоже отрицание классической школы и развитие трудовых школ и программ, непосредственно реагирующих на потребности производства. И еще раньше, на рубеже XIX—XX вв., когда формировались реальные и коммерческие училища.

Мы сталкиваемся с тем, что система образования каждый раз отвечает на изменившийся запрос экономики. Просто сегодня повысился средний образовательный уровень, экономикой востребованный — речь идет о высшем, университетском образовании, а не о среднем, как раньше.

Но, на самом деле, новое есть. Развитие экономики сейчас определяется переходом к так называемой новой экономике. Фактически это такие отрасли, которые «завязаны» на уникальном человеческом опыте и используют уникальный человеческий капитал в системе разветвленной кооперации. Новая экономика — это экономика взаимозависимых и специализированных творцов. Эта новая экономика диктует рынку образовательных услуг свои правила. Возникает явный спрос на то, что человек должен владеть совершенно конкретными знаниями и умениями: работать, скажем, в MS Project, рассчитывать операционные риски опять-таки в одной из формальных программных сред. То есть речь идет об овладении конкретными новыми языками описания и общения.

В этом есть достаточно серьезные противоречия. Так, любое системное образование не может охватывать всего, заранее обучать поведению во всех ситуациях. Человек, столкнувшись с новыми требованиями, должен адаптироваться к ним сам — отличие человека с системным образованием состоит в том, что он умеет анализировать ситуацию и самостоятельно строить программу своей адаптации. Но определенная часть «доучивания» и «переучивания» работника падает на работодателя. Это общее правило.

Вряд ли работодатель, ищущий сотрудника «со специализированными языками», рассчитывает на его знакомство со спецификой «своего» рынка или, тем более, предприятия. Он рассчитывает именно на наличие языка — и вот его-то и не находит. Следовательно, речь идет вовсе не об отрицании фундаментальной подготовки, а о составе требований к системе знаний выпускника образовательной программы «на выходе».

В чем здесь отличие от «старого»? Выпускник вуза еще в первой половине XX в. нанимался на работу не в роли «частичного работника», а в роли работника самостоятельного или лидера определенного процесса, выстраивающего исполнителей «под себя». Сегодня ситуация сильно изменилась. Скажем, инженеры должны работать в команде, часто связанной только по электронной почте. Соответственно резко возрастает роль профессионального языка и стандартов инструментальных компетенций.

Учебные заведения должны будут либо самостоятельно достроить свои программы, операционализируя их, обучая студентов не только принципам, но и инструментам, либо сделать это с помощью заинтересованных агентов рынка. В отношении «специфических языков» и широко распространенных технологий, имеющих защищенные права использования, образовательный рынок уже породил два варианта обучения. Первый — когда фирма — владелец прав

делает ставку на получение дохода от обучения. Тогда она сама выходит на рынок, предлагая короткие эффективные программы. Второй — когда фирма заинтересована в максимальном распространении технологии или привязанного к ней «языка». В этом случае она передает права на исключительно образовательное использование соответствующим вузам и техникумам, обеспечивая обучение преподавателей.

По всей видимости, в 10-летней перспективе сектор «операционального доучивания» будет расширяться, охватывая не только специальности новой экономики, но и традиционные сектора. Соответственно мы можем прогнозировать как расширение взаимодействия учебных заведений с реальным сектором и модификацию программ выпускных курсов, так и значительный рост альтернативных вузам структур, предоставляющих короткие программы получения конкретных квалификаций. Такие структуры будут эксплуатировать права собственности на нематериальные объекты (инновации).

Выстроится какое-то новое, непривычное соотношение между public domain и частной собственностью в системе знаний и компетенций, входящих в общественные стандарты образования. И хотя общество, безусловно, будет вести себя достаточно наступательно в отношении частной собственности на нематериальные активы (например, сокращая срок действия эксклюзивных прав или устанавливая предельные нормы отчислений их владельцам), система образования будет иметь значительно более частный характер, чем сегодня.

И.Д. Фрумин

Ведь дело в том, что в индустриальной экономике больше всего востребуются универсальные навыки (например, рабочий-многостаночник), которые приобретаются, как правило, в процессе производственного обучения. Сегодня в развитых постиндустриальных странах востребован профессионализм. Новая экономика не является сферой, где требуется массовый Леонардо да Винчи, но там нужен сборщик компьютеров, узкоспециализированный инженер и, конечно, незначительная часть творцов, которая была всегда и всегда будет. И это действительно важно, потому что в зависимости от пропорции надо выстраивать стратегию.

У нас есть три сектора рынка труда: рынок труда уникальных навыков, рынок труда стандартных навыков и рынок труда без квалификации. Последний явно сужается. Это объективный процесс, охвативший весь XX в., и, безусловно, такова общая тенденция. Это означает, что люди, которые не смогли в силу отсутствия способностей получить какую-либо квалификацию, будут востребованы все меньше и меньше.

Есть еще одна тенденция — рост темпа смены технологий. Нередко приходится слышать, что срок жизни технологий уменьшается и сейчас имеет продолжительность два-три года. Такие данные существенно модифицируют представление, скажем, о Бауманском училище.

Сама дихотомия относится к индустриальному периоду в образовании. Если же мы посмотрим, что произошло, например, с нашими чертежниками, то поймем, что буквально в течение пяти лет эта профессия просто исчезла. И в этом смысле, как мне кажется, магистральная тенденция на рынке труда — запрос на каждое рабочее место все более и более квалифицированного человека, способного выполнить довольно специальную работу. А с другой стороны — высочайшая мобильность. На самом деле, мы знаем немало случаев, когда люди с высшим образованием, неважно каким, оказывались адекватными на самых неожиданных местах. Например, сотни учителей, или даже десятки тысяч, работают сейчас разного рода секретарями, офис-менеджерами и т.п. Они изучали биологию, химию и другие науки — именно образование позволило им очень быстро освоить другую профессию.

А.А. Пинский

Мне кажется, если говорить о тенденциях и что-то прогнозировать, то нужно отметить, что образование будет дифференцироваться, разделяться на два крупных потока. Один — это базовое образование, широкое образование. Но будет лавинообразно расти и то, что у нас называется дополнительным профессиональным образованием. И в этом смысле, по-моему, перспектива у нас очень невеселая. Прежде всего потому, что предприниматели не привыкли вкладывать средства, а существующая государственная система — осколки дополнительного профессионального образования — предельно и очень жестко организована и регламентирована.

Растет не только сам сектор дополнительных образовательных услуги, идет бурный рост услуг по сертификации квалификаций. Это уже не просто покупка бумажек — это всевозможные экзаменационные агентства. Возникла индустрия подготовки к экзаменам. Можно привести аналогии с ЕГЭ. Один из жестких прогнозов: старшие классы в итоге отомрут, а вместо них будут существовать ЕГЭ и бизнес-структуры по подготовке к ЕГЭ.

Я.И. Кузьминов

В этой связи было бы правильно поговорить о характеристиках общего образования, о требованиях к общему образованию. На наших глазах сроки общего образования в развитых странах удлиняются, и это совершенно объективная тенденция — социализация

становится все более и более сложным институтом, и завтра она будет подразумевать некоторый новый набор знаний и навыков.

В первую очередь, доступ к информации. Инструментально — это умение пользоваться информационными технологиями плюс рабочее знание английского языка. Но это далеко не все. Объем доступной информации растет лавинообразно, и дееспособный человек, если не хочет, чтобы его «обували» на каждом шагу, должен иметь проверять предлагаемую ему заинтересованными фирмами и людьми информацию. Умение вести скрининг потенциально полезной информации, целенаправленный поиск нужной информации, реферирование (что означает умение быстро извлекать суть), сопоставление — все это требует не только новых технологий, но и перестройки отношения к образованию со стороны обучающегося.

Если традиционная школа требует принимать ее постулаты на веру, требует почти безоголосного доверия (во всяком случае, именно так построены массовые образовательные модели), то новая школа будет просто вынуждена вести диалог, убеждать сомневающихся и оппонентов. Больше того: учитель должен из излагателя «неоспариваемого» знания и воспитателя вытекающих из этого знания умений превратиться в руководителя самостоятельных проектов учащихся, в консультанта. Его собственный кругозор и компетенции должны вырасти на порядок. Хочу оговориться: я говорю о кругозоре и компетенциях, востребуемых школой, востребуемых учениками. И сегодня в школе есть множество сильных учителей, соответствующих ее завтрашнему дню. Может быть, их 15%, может быть, 20%. Их просто надо обучить информационным технологиям, подключить к Интернету, потому что сегодня они, как правило, отрезаны от бесплатной информации. И такая программа сейчас реализуется и Минобразования, и Рейманом.

Но 80% учителей сегодняшней школы таким критериям не соответствуют. Где-то половина из них уйдет из школы по возрасту, но половина в школе останется. И это породит, по моему представлению, жесточайший кризис общеобразовательной школы в истории нашей страны. Сегодня в России 15% населения — пользователи Интернета, среди молодых это почти 30%. К 2013 г. у нас 80–90% учащихся и 60–70% их родителей будут сидеть в Интернете. Будет огромное количество доступных образовательных ресурсов, информационных ресурсов, составляющих альтернативу школьной информации. И доверие к учителю, доверие к школе, которые не смогут соответствовать этой новой информационной ситуации, резко упадет. Это будет, повторяю, очень серьезным сдвигом в об-

щественном сознании. Ведь сейчас, по опросам ФОМа, люди все еще доверяют школе, считают, что их школа хорошая.

Такая ситуация (по моей оценке, она станет явной уже к 2009–2010 гг.) может иметь два последствия. Первое — подрыв традиционной школы как социализирующего института. Его функции могут взять на себя самые различные общественные структуры. Государство, как представитель общества в целом, потеряет контроль над социализацией. Последствия будут самые разные — какие-то могут быть благотворны, а другие могут быть очень опасны. В качестве наиболее очевидных приведу следующие: резкая территориальная и национальная дифференциация по содержанию обучения и набору социальных компетенций. Большие города уйдут в отрыв, но внутри них будет сегрегация по имущественному и национальному признаку. Ведь рыночная или «клубная» обучающая структура подбирает себе учащихся самостоятельно, кого-то может не принять просто потому, что не понравился, — «другой». Словом, мало не покажется.

Второе последствие как бы компенсирует первое. Это привлечение к терпящей бедствие школе массового общественного внимания, мобилизация ресурсов из всех источников для формирования обновленной школы. Это и кадровые ресурсы — многие образованные и творческие люди, почувствовав, что они нужны, востребованы обществом в этой роли, могут прийти в новую школу в качестве учителей. Это финансовые ресурсы — сегодня мы недодаем школе примерно в два раза по сравнению с нашими доходами. Как результат — ускоренное обновление школы, происходящее почти взрывообразно, революционно.

Сценарии развития школы через 10–15 лет сойдутся: общество, каким бы оно ни стало, заинтересовано в сохранении и развитии этого института. Но потери общества на пути к этому могут быть велики.

А.А. Пинский

Важным остается вопрос о том ключевом основании, которое может быть положено в фундамент намечаемой типологии вариантов и сценариев. Что это за слово? «Свобода» применительно к школе или «творчество»? «Возвращение государства» или «вариативность»? Практически за каждым из этих слов стоит целая серия дискуссий, начиная с середины 1990-х и до 2001 г. Сегодня мне представляется, что нужное слово найдено, и я готов его вам предложить, хотя его и произнести боязно. Это слово «рынок»!

И я убежден, что все главные магистрали и основные сценарии изменений в школьной системе зависят от того, придет или не придет в школьный сектор рынок, и если придет, то в каком качестве. Как ответ, реальный, действенный ответ на те запросы или тенден-

ции, которые складываются вне школы, а именно в обществе, в экономике, в любом внешнем контексте? Мы зачастую говорим: вот на рынке труда происходит то-то, в производственной сфере экономики происходит то-то, в бизнесе происходит еще что-то. И мы считаем, что образование якобы каким-то естественным «саморегулирующимся» способом под это будет подстраиваться и обретать свою адекватность? Но главная-то проблема и трагедия применительно к школьному образованию заключается в том, что в нем этот «самонастраивающийся» институт рынка не действует, и поэтому его подстройка под те или иные общественные, экономические процессы происходит крайне инерционно.

Е.Ф. Сабуров

Вы под рынком что понимаете?

А.А. Пинский

Под рынком я понимаю информационную систему конкурентного взаимодействия производителей и потребителей различных благ, в том числе и образовательных.

Один губернатор в кулуарах Госсовета 2001 г. мне сказал: «Я ничего не понимаю в вашей педагогике, но ответь мне на одну простейшую вещь — вот если у нас вся страна в рынке, то как вы мыслите, школа может выжить вне рынка?» И аналогично высказываются простые люди, они все больше мыслят так, за этим есть своя простая реальная практика. Конечно, я не имею в виду полную передачу школы стихии так называемого чистого рынка с полным устранением регулирующих функций государства, об этом не идет речь. Но главная проблема заключается в том, что, если раньше высшее образование нельзя было получить за деньги, то теперь сделана была только одна простейшая вещь — образование стало можно купить.

Теперь на тему дискуссии: что востребовано применительно к школьному образованию на этом «проторынке» образовательных услуг для детей школьного возраста. Вот некоторые количественные показатели: в 2001 г. Минфином было проведено исследование по шести регионам. Задавали вопрос: какие предметы надо добавить в школьное обучение, и если была бы возможность, то готовы ли были родители за них платить.

Ответы родителей в Челябинской области, Хабаровском крае: 85% сказали, что на первое место нужно ставить компьютер; из дополнительных платных запрашиваемых вещей 55% выделили иностранный язык; 53% выбрали узкопрофессиональную подготовку. И на последнем четвертом месте — углубленное изучение отдельных предметов. Опрос шел в 9–11-х классах. А готовность семей оплачивать услуги по углубленному изучению отдельных избранных предме-

тов составляет 56%, причем вне зависимости от материального благополучия региона. При этом фактически вне школы на уровне 11-х классов в среднем на одного ребенка оплата образовательных услуг составляла 6,5 тыс. руб. в год, внутри школы — примерно 3 тыс. в 11-х классах и несколько меньше в 9-х классах. На самом деле из этого что следует? Люди готовы более чем наполовину оплачивать интересующие их образовательные услуги для своих детей. Школа из фактически существующего, не только платежеспособного, а уже де факто оплаченного спроса, улавливает порядка четверти — три четверти текут мимо нее. И тенденции в изменении содержания школьного образования в свете заданного предложения практически никак не коррелируют с потребностями семьи. Мы в Высшей школе экономики провели пилотное исследование по пяти регионам и задавали вопросы, сколько внебюджетных денег проходит через школьную бухгалтерию. От 1 до 7% от объемов бюджетного финансирования. Порядка 4% по пяти регионам (за исключением Новгородской области, где показатель — 19% от бюджетного финансирования) проходит через «белую» кассу школьных бухгалтерий. Фактически расходы семей — что внутри школы, что вне школы — на образовательные дела своих детей на порядки, естественно, выше. Я полагаю, что если в образование вошли бы сейчас такие понятные людям элементы рыночной организации дела, то не было бы никаких проблем получить дополнительно от 50 до 70% объемов бюджетного финансирования, что соответствует расходам части семей. А у нас — порядка 200 долл. в год бюджетное финансирование на ученика.

Теперь следующий интересный факт. В преддверии принятия президентского закона о том, что школа должна финансироваться из бюджета субъекта федерации, министерство провело опрос, будет ли эта мера способствовать восстановлению роли государства в системе школьного образования. Три четверти экспертов полагают, что будет улучшено финансовое положение школы. Но на вопрос, будет ли эта мера способствовать повышению качества образования, утвердительный ответ дает только треть. Получается парадоксальная вещь: де факто люди признают, что некая мера улучшит финансовое положение в школе, но это никак не скажется на качестве, и в этом смысле образовательная эффективность этих средств бюджета несоизмеримо ниже, чем образовательная эффективность частных денег, которые идут на конкретные услуги. Да, это именно так, поскольку здесь действуют какие-то зачатки рыночной регуляции обратного предложения, а в бюджетной логике они не действуют.

Итак, я произнес слово «рынок», значит, я считаю, что основных сценариев по этой логике может быть три.

Первый, своего рода инерционный сценарий, но с элементами модернизации, принципиально нерыночный, когда школа идет, как сейчас, по линии модернизации, несколько растет бюджетное финансирование, может быть, несколько скорректируются, оптимизируются механизмы бюджетного финансирования, происходит оптимизация образовательных стандартов с сохранением прежней их логики и формата. Здесь не преодолевается существующее отчуждение общества от школы. В одной знаменитой московской школе 40% детей сейчас оформляются на экстернат в старших классах. Продолжается процесс уже начавшегося обрушения основных фондов. Или история с противопожарной безопасностью — абсолютный тупик, потому что вдруг начали предъявлять требования по обеспечению действительной пожарной безопасности, а это абсолютно нереально по существующим, и даже несколько смягченным, бюджетным ограничениям. Хотя с другой стороны, как мне говорят те же самые регионалы: «Аптеки же пустили в рынок, и никто не устраивает всероссийскую кампанию по обеспечению пожарной безопасности аптек, они без проблем все это решают сами».

Второй сценарий может быть радикально рыночным. Я слышал, что опять активизировались идеи, в том числе проводимые через Минфин, о фактической приватизации большей части школ, образовательных учреждений.

Е.Ф. Сабуров

Образовательных учреждений или образовательных услуг? Это разные вещи.

А.А. Пинский

Но если в школьном секторе эту идею реализовать, то у нас произойдет очень резкое расслоение школы и образовательного процесса по качеству, по материальной обеспеченности семей и т.д., произойдет заметное включение предпринимательских кругов в школьный сектор, поскольку рынок по своей емкости очень велик — уже сегодня он более 10, и при малейших рыночных излишках достигнет 20 млрд. долл. И в принципе значительная часть детей — от четверти до трети — просто выпадет из сферы школьного образования.

Третий сценарий — на условиях социально-рыночных, когда включается рынок, но со значительным государственным регулированием. Здесь происходит развитие реальных рыночных механизмов, но без тех или иных форм резкой приватизации имущества, происходит значительное увеличение внебюджетных денег в системе, что было и во втором варианте, но что, очевидно, отсутствовало в первом. Постепенно происходит качественная реальная транс-

формация всего образовательного предложения, т.е. стандартов и технологий именно за счет активизации рыночных механизмов в разной связи влияния спроса на предложение.

Теперь заключение. Мне представляется, что пока мейнстримом является реализующийся первый сценарий, что неплохо, потому что ряд его позиций — от нормативного бюджетного финансирования до общественного участия в управлении — на деле могут закладывать основу для третьего сценария. Второй сценарий я считаю политически мало реальным. Главный вопрос — будем ли мы де факто, реализуя первый сценарий, все-таки иметь в виду обозначенную временную перспективу 7–10 лет и третий сценарий прихода рынка в школьную систему с его ограничениями и госрегулированием или мы будем считать, что, в сущности, эта фаза самодостаточна. Иными словами, будем ли мы проводить модернизацию саму по себе или модернизацию как своего рода увертюру реформы.

Я.И. Кузьминов

Оценка зависит от позиции. Можно говорить о том, что половина семей готова к таким преобразованиям. А можно говорить о том, что почти половина не готова.

Общество и государство обязаны заботиться прежде всего о тех, кто не готов сам инвестировать в свое образование. И это не благотворительность и даже не социализм. Это элементарная забота общества о сохранении своей целостности. Если допустить не только резкое расслоение общества, но кристаллизацию этого расслоения через механизмы получения образования, мы придем к тому, что будем чужими в своей собственной стране — и бедные, и богатые. Бояться будем выйти за околицу, на чужую улицу зайти, как в Нью-Йорке. Кстати, вот вам пример социального негатива, вырастающего из чрезмерной государственной робости в регулировании образования. Вернее, боязни вмешаться в процессы комплектования школ.

Образование — это в рыночном обществе последний рубеж социального равенства, перемешивания классов в новом поколении. Если наше стремительно крепнущее государство по-прежнему будет не обращать внимания на школу, его через 20 лет будут поминать просто как группу бюрократов, успешно дорвавшихся до чужого капитала. Если обратит — получит историческое оправдание производимому перераспределению собственности.

Так что, по моему, есть два сценария — я с Пинским здесь отчасти согласен, но не такие, как у него. Школа для богатых и школа для остальных — этот сценарий более чем вероятен, он уже реализуется. Людям ведь хочется лучшего будущего для собственных детей. Условие этого сценария — «голодный паек» от государства и

молчаливое невмешательство в обособление «выдающихся школ» (отбирающих учащихся) в крупных городах. Вы же видели результаты мониторинга. Деньги в школу уже поступают, когда родители понимают, за что они платят. А как платят — официально или нет — это вопрос второстепенный.

Другой сценарий — небюджетный. Проблема только отчасти в свободе, проблема еще в деньгах. Вы можете получить в Дагестане совсем другую школу, чем в Москве — на новых же организационно-правовых механизмах. Просто там родители мало зарабатывают. Нормально это? Если не вводить в действие федеральных перераспределительных фондов, результат будет исторически плохим.

Расширение свобод школы, свободы зарабатывать, привлекать деньги родителей — это благо. Но это не абсолютное благо. Механизмы социального выравнивания, социального перемешивания, формирования единого народа через школу — их надо формировать одновременно с расширением коммерческой и академической свободы школ. И их надо финансировать государству на региональном и федеральном уровне.

Вот в частности, где будут сказываться различия в ресурсном обеспечении. Если развернуть эффективную программу поддержки общего образования в регионах и населенных пунктах со слабой экономикой (то, что будет отчасти компенсировать прирост финансирования школы хорошо зарабатывающими родителями), это потребует к 2010 г. дополнительно 0,6% ВВП, перераспределяемых через федеральный и частично через региональный бюджеты — это около 5 млрд. долл. Это возможно, но потребует решения на политическом уровне.

А.А. Пинский

А семьи сколько дадут?

Я.И. Кузьминов

Примерно 7 млрд. долл. можно дополнительно получить от семей, к тем 4 млрд., которые они сегодня в общее образование вкладывают. Условие одно — сокращение базового учебного плана на 20%, т.е. высвобождение восьми часов в неделю для инициативных «продвинутых» курсов, которые могут предлагать учителя. Сегодня школа не имеет права предлагать такие курсы просто потому, что БУП полностью исчерпывает часы, разрешенные санитарными нормами нагрузки учащихся.

Но распределение таких средств по школам и регионам очень неравномерно. Школы с 10% учащихся соберут 40% всех средств, а школы с 50% — меньше 20%. Для этого и нужны дополнительные бюджетные средства — чтобы где-то на половину компенсировать разницу в преподавании, которая будет складываться.

Е.Н. Пенская

Я бы хотела вернуть разговор к теме дискуссии. Но сначала предлагаю собравшимся краткое тематическое обозрение нынешней ситуации. Так же как Анатолий Аркадьевич Пинский увидел в понятии «рынок» магистральный сюжет образовательного пространства, на более коротком промежутке времени последних двух лет легко просматриваются тенденции: сфера образования отчетливо тематизируется, причем смена этих тем происходит хаотично и незапланированно. Примерно раз в год происходит вброс тем, например, в 2001 г. такими темами были, если вы помните, 12-летка и компьютеризация школ, в 2002 г. — разгрузка школьников, в 2003 г. — условно говоря, Болонский процесс и присоединение к Болонской декларации. Часть тем безвозвратно уходит в небытие, не оставив по себе какого бы то ни было внятного следа, часть продолжает крутиться, как в рулетке. Так, про 12-летку забыли, про раннее начало обучения тоже. Школа, вроде бы, компьютеризируется, но тихо, внедрение Интернета или информатики в качестве учебного предмета забыли — эта тема перестала быть актуальной. В прошлом году пробовали внедрить «основы православной культуры» — не получилось, тема ушла как-то, всколыхнув общество слабой волной дискуссий. Такая же судьба постигла «проблему нравственного воспитания».

Все инициированные дискуссии сводятся практически к одному, к обсуждению перехода из школы в вузы (до 80% московских школьников и где-то около 70% выпускников региональных школ ориентируются на поступление в вузы во многом благодаря активной кампании в прессе, причем инициирована эта кампания, условно говоря, вертикалью власти). В результате этого процесса сейчас получились достаточно заметные кадровые перекосы, когда бюджетные деньги тратятся на обучение в «высшей школе грузчиков».

Подтверждение сбитых приоритетов в общественном сознании — это структура кадровых запросов. В оборонке средний возраст рабочих — 57 лет, средний возраст учителей — 47. Вообще, проблема кадрового дефицита преподавателей — это, мне кажется, совершенно отдельная тема, и она тоже должна быть учтена в ходе выстраивания тенденцией или сценариев. Слесарей 6-го разряда просто некому готовить, потому что у самого мастера разряд, ну от силы 2-й. Значит, явно будет тенденция переориентации «направления главного удара», и общественное внимание будет переключено на профобразование среднее специальное.

Вторая тенденция — это платное образование. Общество будет готовиться к платному высшему образованию. Если родители

могут и хотят заплатить 500 долл. за образование ребенка, то эти деньги, наверное, необходимо привлекать, а не отметать их из соображений малости: дескать, за такие деньги образование дать нельзя. Если образование оплачивается, то ответственность за него будут делить гражданин и государство.

Менее важна тенденция воспитания в родителях чувства налогоплательщика, школа содержится государством, это бюджетные деньги, которые формируются за счет налогов с граждан, т.е. с самих родителей.

Хотелось бы еще как-то «отнестись» к тому, что сказал Анатолий Аркадьевич. Если речь заходит о том, что в системе образования оказываются образовательные услуги, то необходимо будет работать над соотношением параметров «цена — качество», выбором клиента и т.п. Кстати, проблема коррупции на вступительных экзаменах напрямую связана с проблемой платного/бесплатного образования. Логичнее платить в рассрочку, т.е. за каждый год, чем всю сумму сразу без гарантии получения результата — диплома. Как показывает статистика, «проплаченные» абитуриенты скорее всего отчисляются из вузов, стало быть, родительские деньги не превращаются в целевую инвестицию.

И.Д. Фрумин

Часто не понимают того, что это особая услуга. Если потом студент не может удержаться в вузе... Проблема образования — я бы сказал, в основном в сочетании денежного и не денежного рынка. Тут некий синтез денежной и не денежной цены, адекватной и неадекватной.

Е.Н. Пенская

Очень важна тенденция прихода бизнеса в образование.

Если не только крупный, но и средний бизнес берет на себя социальную ответственность, то вполне естественно выстраивать отношения с ним и в сфере образования не посредством продажи государственных вузов в частную собственность, а путем привлечения дополнительных частных ресурсов. Возможны, по аналогии с практикой на предприятиях, когда там создаются летние рабочие места, спецзаказ на студентов, финансирование определенных программ и грантов.

Ну, и наконец, последнее. Все напряженней будут выстраиваться отношения, связанные с дифференциацией образования, ожиданиями в обществе и тенденцией государства к унификации и контролю самых разных ветвей образования. Обратите внимание: мотив всех заявлений министерства последнего времени универсален: все, что можно, решаем мы. И на самом деле, необходимо осуществлять такое функциональное управление, т.е. координировать программы, соединять инвестора и объект инвестиций. Наверное, в эту

сторону будет в позитивном плане развиваться взаимодействие разных типов образования, разных структур и государства. Обсуждение проблем сводится у нас к обсуждению достоинств системы образования, в то же время в обществе формируется восприятие непрерывности процесса обучения, тем социального, этнополитического, нравственного в образовании. В интеллектуальных дискуссиях появляется тема самопроектирования, которая обсуждается в связи с Болонской декларацией. Возможно, анализ механизмов запуска процессов саморегуляции и самореализации, стимулирующих взрослого успешного человека к получению дополнительного образования, позволит понять ценностные ориентиры, которые будут складываться в обществе.

Кроме того, в заключение вместо утверждения и предложения эного сценария или вектора тенденций, хотелось бы поставить фундаментальный вопрос, на который у меня нет ответа. Насколько тенденции в современном образовании отвечают одной из самых опасных угроз в мире, который уже сегодня находится в состоянии войны? Надо сказать, что это одна из фундаментальных тем, в обсуждение которых вовлечены образовательные структуры на Западе, в Америке. Уроки и последствия «11 сентября» множатся. Необходим ответ на эти угрозы. И ответ может быть обнаружен в плоскости образования. Тем опаснее, на мой взгляд, противостояние и разрыв двух образовательных систем — американской и европейской. Тем острее необходимость для России найти свое место, когда война стала реальностью в XXI в. и перераспределила все границы.

Е. Ф. Сабуров

Если мы действительно вступили в имперский мир и выходим из ситуации национальных государств, то прежде всего мы должны понимать, что империя не характеризуется размерами границ. В отличие от национальных государств, империя всегда характеризуется стремлением к экспансии, и образование для империи всегда было инструментом экспансии и инструментом влияния, а сейчас влияние значит больше, чем любые территориальные приобретения или что-нибудь в этом роде. Поэтому образование становится довольно серьезным средством в войне, которую действительно мы ведем. Мы не осмыслили эту войну, потому что пока что выдаем средство ведения войны за противника. В этой ситуации нельзя говорить о каких-то тенденциях развития образования, потому что не осмыслено, что, собственно говоря, будет с обществом. Если мы говорим о спросе на образование, то с чьей стороны? И что это будет за общество? Думается, что масштабы дифференциации значительно больше, чем мы даже можем себе представить. Дифференциации общества вообще.

Я.И. Кузьминов

Социальной или имущественной?

Е.Ф. Сабуров

Действительная дифференциация в том, что педагоги называют компетенцией. Ни социальная, ни имущественная дифференциация не будут выдвигаться так сильно, как дифференциация компетенции. Если сейчас называется чудовищная цифра, что ВВП в Соединенных Штатах наполовину создается 3%, а наполовину остальными 97%, и такая же тенденция существует в продвинутых российских корпорациях, то сумма доходов с 3% и 97% равны. Причем это отнюдь не рвачество какое-то, а реальная оценка вклада.

Впрочем, анализ доходов в нашей стране — это не так уж серьезно, вот анализ, допустим, потребления жилья — это уже значительно более показательная вещь. Я помню, что даже в советские времена у нас был по жилью «двугорбый верблюд». Это очень серьезно, и на самом деле означает сосуществование двух типов населения со своими средними, со своими, так сказать, богатыми и бедными. Это, вообще-то говоря, социальная стратификация общества. Мы знаем, что даже в центре мировой империи, в Америке, социальная стратификация огромная. Американцы практически говорят о двух народах, населяющих одну и ту же страну. И если по многим показателям они лучшие в мире, то по многим показателям они худшие — по показателям социального расслоения, например. Россия, на самом деле, в течение 10 лет, если мы говорим о 10 годах, в значительной степени потеряет свои природные ресурсы. Они станут труднодоступными, возникнет большая сложность с добычей, поэтому те преимущества, которые мы сейчас имеем, мы, в общем-то, потеряем. Что в таких условиях может быть? Может быть, нас будут подкармливать насчет образования, чтобы потом брать кадры, как было с Индией и некоторыми другими странами? Мне кажется, что этот сценарий маловероятен. Ясно, что будет происходить дифференциация. Образование, естественно, не может уйти от этой дифференциации. Образуются совершенно разные два вида потребления образования, мало связанные друг с другом. Естественно, что то, что называется национальной элитой, будет ориентировано на выезд. Эта национальная элита полностью проигнорирует систему образования в том виде, в котором она у нас существует, и не будет ею пользоваться. Мы видим, как сейчас системное образование «зарывает» старшую школу, и уже нет, так сказать, никаких, на мой взгляд, способов как-то это дело задержать и спасти. Умирай и все. Точно так же будет продолжаться дальше и по основной школе, начальной школе. Что же касается основного населения, то будут предъявляться простые требования, так сказать, социального мира.

Я думаю, что возникнет, безусловно, высшее образование кочегаров. Я считаю, что гениальное советское изобретение, которое я сегодня уже упоминал, «оператор машинного доения», вместо пошлого «доярка», будет востребовано. Это должно быть серьезной работой, направленной в случае высшего образования для кочегара на подтверждение социального статуса. Иначе мы допустим то, чем наша страна славится, — бунт бессмысленный и беспощадный. Будет ли в таких условиях осуществляться совершенно необходимая социальная диффузия путем социального перемешивания? Я думаю, что она будет затруднена крайне, я думаю, что, так же как по жилью, мы не можем остановить процесс сегрегации. Он происходит и будет происходить дальше. Мы не сможем остановить эти процессы в образовании. Это очень печально, потому что на самом деле образование — это действительно такой продукт, где социальная составляющая абсолютно превалирует. Вот на такой мало оптимистической ноте на первый вопрос я вроде как ответ завершил.

Д.Л. Константиновский

Что касается поднятого здесь вопроса об общем и специализированном продукте образования, то опять же о нем нельзя, на мой взгляд, говорить применительно ко всему обществу. Здесь будет достаточно серьезное разнообразие в соответствии с социальными слоями, но общая тенденция будет такая — повышать уровень общего продукта образования ради социального мира. Это такой сценарий, который напрямую связан с развитием рынка. Это предмет нашей полемики. Условно, вот тот пессимистический сценарий, о котором говорилось, прежде всего он связан с механизмом понимания рынка как сложной информационной системы — а вот система купли и продажи элементарных услуг. Представляется, что это очень тревожная тенденция, поскольку она предполагает некую саморегуляцию процессов, которые, мне кажется, в естественном виде будут связаны со сценарием Евгения Федоровича. Еще в 1960-х гг. была целая серия работ английских социологов образования, где они показали, что определенный тип образования выполняет функцию управления социальной мобильностью. Они сравнили тогдашнюю английскую систему образования и американскую и обнаружили, что американская система эффективнее работает с точки зрения вертикальной мобильности. В этом смысле, конечно, не обойтись без специальных очень сложных регулирующих механизмов (которые могут быть не абсолютно рентабельны в классическом смысле), чтобы не получить такой статус полной вертикальной мобильности, который в конечном счете вел бы к закупорке мобильности рабочей силы. И американцы не из коммунистических соображений обеспечили со-

циальную мобильность, а из-за каких-то бюрократических — для того, чтобы лучшие дети из малообеспеченных семей могли бы пробиться, тем самым разбавляя кровь уже «состоявшихся».

Е.Ф. Сабуров

Я очень бы хотел верить, что наша система образования способна к модернизации для того, чтобы противостоять этому сценарию. Но я не вижу, так сказать, ни сил, ни понимания ситуации, поэтому для меня очень важен второй вопрос, следующий, которого мы не касались, — это тенденция развития самой технологии образования. Потому что проблема дистантного обучения, Интернета и всего такого прочего — это, на самом деле, огромное регулирующее воздействие в имперском духе. Проблема, о которой сказал Ярослав Иванович, о языке, — это огромная проблема, так сказать, в имперском духе, которая может, как цунами, похоронить всю ситуацию и в действительности дать несколько другой сценарий. Но одновременно этому противостоит расслоение, технологическое расслоение населения в связи с появлением новой экономики. Ведь вот, допустим, Ярослав Иванович говорит, 20% новой экономики на Западе, 10% — у нас. Значит, корпорация нефтяная относится не к новой экономике? Да, целиком она к новой экономике не относится. Эти качалки и рабочие там — это вовсе не создание всей стоимости. Новая экономика существенно больше. И *внутри* нефтяной корпорации она занимает огромное место.

И.Д. Фрумин

Если позволите, я очень коротко, поскольку мы все время к этому возвращаемся, прокомментирую один вопрос. Да, конечно, в образовании имеет место рынок, и не только в образовании, всюду он существует. Просто в образовании очень ярко выявляется денежная мера, причем деньги — это не просто наличность. Имеется в виду отчужденный от человека безличный ресурс, который может передаваться другому лицу. Соответственно если все решается согласно распределению этого ресурса, то абсолютно неизбежно воспроизведение однажды сложившейся социальной стратификации. Но на самом деле в образовании — особенная реальность рыночного обмена, где цена — это как составная. В этом смысле можно привести замечательный пример, мне никогда не приходило в голову, хотя теоретически я все это знал: дефолт, как ни странно, воплощает интересный кейс, который позволяет объяснить, как эта цена реально складывается. Во-первых, тот человеческий капитал, который был у индивида «до» (знания, способности — он пришел со своим капиталом). Вопрос: это учитывается или не учитывается? Если просто что-то покупается за деньги, как билет в кино, если не

экзаменуют, то без разницы, с чем человек пришел, но в образовании это всегда имело значение. А во-вторых, конечно, всякого рода «социальные поддержки». Они очень разнообразны, целый спектр, причем это и политика государства, например отрицательная дискриминация, плановая поддержка — все то, что поступает в обмен. На самом деле это информационные сигналы. Чем мы можем управлять? Тем, как эти сигналы модифицируются, и тем, как они учитываются. Это долгий разговор, но поверьте, здесь множество возможностей. Учитываются и общие знания, и специальные навыки. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не навыки забивания гвоздя, а некие востребованные специальные навыки и некие общие социальные навыки, которые наша система образования очень плохо дает и очень плохо продает, в то время как они очень востребованы на реально складывающемся образовательном рынке. Ну, и наконец, определенные «фикции». Они тоже разные: от купленного в переходе диплома до каких-то социальных знаков. Так вот, все это — рынок. Я повторю: если мы понимаем его как-то слишком однозначно, огромная часть реальности остается вне поля нашего зрения. То есть мы должны управлять надо всем вместе, а это очень сложная задача. Я не хочу затягивать свое выступление, но эту сложность должен был подчеркнуть.

Д.Л. Константиновский

Очень часто я вижу, как неправильно ведут себя акторы образовательной сферы, не столько преподаватели, сколько учащиеся, абитуриенты, студенты, родители. Они не понимают, как надо поступать по отношению к системе образования, в системе образования. Должен сказать, что кроме различных форм социологического исследования в образовании есть другая идея — идея такого социологического просвещения. Дело в том, что системе образования нужен не только, а может быть, не столько тот PR, который у нее сейчас есть. Понимаете, нужно как-то все-таки разъяснить, что на самом деле происходит в сфере образования, какие механизмы действуют, что же делает эта сфера, и т.д. На самом деле, это не скрывается, но просто не говорится человеческим языком. Но я сразу должен сказать, что по своему опыту знаю: это очень сложная задача. Такие материалы очень легко читаются, но должны готовиться неделями, месяцами, годами, и это очень тяжело. Но мне кажется, это очень благородная задача. Скажем, мы друг друга понимаем, еще есть какой-то круг людей, которым объяснят, но те люди, которые реально в системе задействованы, — они находятся в сфере мифа. И вот эти мифы можно сменить на реальные представления — только какие?

Я.И. Кузьминов

Все выступавшие сходятся в том, что образование ожидают серьезные изменения, а дальше высказывались оптимистичные прогнозы. Но по сути, у нас будет какая-то вилка между усилением узкой специализации и расширением в пользу более общих навыков. То, что будет происходить у нас с образованием, будет аналогично, на самом деле, тому, с чем цивилизация уже имела дело. И Россия имеет определенный шанс.

И.Д. Фрумин

Знаете, в чем дело. Я несколько удручен тем, что можно так переинтерпретировать понятия, разумеется, фундированно, дифференцированно. Понимаете? Вот я приезжаю сейчас по работе в какую-то область, посещаю вуз, посещаю школу, и ясно вижу, что в простом смысле слова в вузе рынок есть, а в районной школе рынка нет.

Я.И. Кузьминов

Я согласен. Рынок там, где есть выбор. Для выбора нужны различные предложения, и в этом смысле рынка (выбора между разными школами) нет только на селе, а в районном городе, где четыре школы, рынок может быть. Если его тем не менее нет, то потому, что потребители образования не желают выбирать, не понимают, что можно выбирать. Соответственно и школы между собой не конкурируют.

Но я хотел бы вернуться к своему первому рассуждению, о взаимодействии экономики и образования. Давайте попытаемся дополнить нашу оценку спроса на профессиональное образование в 2013 г. Я теперь буду говорить о рабочих (исполнителях) и о менеджерах.

О рабочих. Несмотря на весь «навес высшего образования», будет резко снижаться спрос на ПТУ. Не на прикладное образование, дающее конкретные квалификации, а вот именно на ПТУ. Эта система с самого начала (1960-е гг.) могла существовать только благодаря тому, что долгое время наше производство развивалось изолированно от мировой экономики. Мы выпускали рабочий класс заведомо неудовлетворительного качества — по уровню компетенций, по самоуважению, по дисциплине.

Мы еще в советское время убили путь через ПТУ как эффективную образовательную траекторию — убили тем, что навесили на задачу приобретения хорошей квалификации исполнителя еще и задачу имитации полного среднего образования. Послушайте, ведь в ПТУ идут люди, сделавшие выбор не в пользу продолжения академического обучения, по крайней мере в данный конкретный момент, когда им 14–15. Они хотят как можно быстрее начать зарабатывать, стать дееспособными на рынке труда. Результат очевиден каждому — ни хорошей квалификации, ни «эквивалента школы». Продолжают образование после ПТУ в вузе единицы. Работодатели в мас-

совом порядке отказываются брать кадры из ПТУ, не потому даже, что боятся, что те ничего не умеют, а потому, что их самих боятся.

Это означает, что реальный рынок труда для выпускников ПТУ будет стремительно сжиматься, оставаясь только в обособленных, территориально или социально, секторах. Это первый сдвиг, который я здесь предвижу, и очень серьезный. Он, по всей видимости, потребует серьезной реструктуризации системы и объединения ПТУ с техникумами, потому что именно техникумы прямо сейчас на наших глазах продвигают нижний уровень квалифицированного труда. Это характерно как для сложного производства, так и для сферы услуг. Сфера услуг не может пополняться за счет ПТУ, потому что квалифицированный работник сервиса должен получить серьезную гуманитарную подготовку, подготовку в области межличностных коммуникаций.

Второй сдвиг, очень весомый, это сдвиг между, как при советской власти сказали бы, производительным и непроизводительным трудом, т.е. сферой услуг. На сегодняшний день на последнюю приходится около 58,8%, это примерно то же самое, что в любой развитой стране. То есть это не предприятие, где человек имеет дело с железом, с механизмом, а банк или гостиница, где он имеет дело с клиентом.

Сейчас у нас структура профессионального образования совершенно не соответствует структуре рынка труда. Если мы исключим «функциональные» специальности вроде бухгалтера, которые везде нужны, то получается такая картина: на сферу услуг работает где-то 10% системы НПО и меньше 5% системы техникумов. В вузах ситуация та же — 15% в лучшем случае. Это по рыночным секторам услуг, типа гостиничного хозяйства и торговли. Если мы добавим нерыночные сектора — подготовку медсестер и педучилища — получится 25–30%, т.е. все равно разрыв колоссальный.

Этот разрыв будет неизбежно сокращаться, произойдет очень серьезная адаптация системы профессионального образования к потребностям экономики. Вопрос в том, сумеют ли работодатели самостоятельно отстроить или востребовать такую систему подготовки кадров, которая будет на конкурентоспособном уровне? Это проблема. Мы не закрываем кадрами тот реальный спрос, который у нас есть. У нас плохие гостиницы, у нас плохие турагентства, у нас плохие магазины, мы никогда не привлечем к себе западных и японских денег через соответствующие сектора. Наши сограждане оставляют каждый год несколько миллиардов долларов за рубежом, потому что им не хочется испортить себе отпуск и отдохнуть в России, и они иногда 10%, иногда 15% заработанных за год денег

спускают в странах с развитым сервисом, это огромная проблема для нашей экономики.

Каков прогноз? Здесь не нужны дополнительных средств бюджета, даже в слабых регионах. Нужна реформа институтов. Должны возникнуть центры получения квалификации без каких-либо воспитательных и общеобразовательных функций. Нужно для получения квалификации парикмахера или станочника семь месяцев — значит, надо учить именно семь месяцев, а не держать людей в системе годами. Работа — это лучший воспитатель. Нужны люди (для сервиса в основном) с более высокой культурой общения — пожалуйста, выставляйте требования, что принимаются только выпускники 11-го класса.

То есть все зависит от политики. Будем продолжать консервировать систему — будем тормозить развитие экономики. И центральная идея политики — психологически порвать связь новой системы получения квалификаций с ПТУ.

В 2013 г., если будет реформа, мы будем чувствовать ее первые плоды. Начнется сдвиг менталитета в пользу приобретения конкретных квалификаций. Такие квалификации начнут получать и люди с высшим образованием.

Техники (условно). Есть вероятность, что гипертрофированный спрос на высшее образование будет в некоторых секторах замещен спросом на среднее профессиональное образование, как на конкретную квалификацию, которая необходима. Классическим примером являются те же IT-специальности. Возьмите две самых распространенных — сисадмин и веб-мастер. Ни тот, ни другой не занимаются инновациями, творческим трудом. Практически все рабочие места заняты выпускниками вузов. Текучесть колоссальная. Человек с высшим образованием не задерживается на такой площадке, а случайно оказавшись на ней, на третий-четвертый месяц, ознакомившись со всем коллективом и подведомственной техникой, начинает валять дурака или уходит. И корпорации, и госучреждения не могут найти людей, которые согласились бы стабильно работать на этой позиции просто за приличные деньги, за 300–500 долл. Такая же ситуация практически во всех отраслях. Мы испытываем сейчас резкую нехватку высококвалифицированных рабочих — техников, мастеров и т.д. Я думаю, что есть очень большая, существенная предпосылка к тому, чтобы общественный спрос перераспределился. И одной из наиболее выгодных, серьезно рассматриваемых и абитуриентами, и родителями, стала бы траектория «школа — техникум — вуз» — то, что у нас было в 1950–1960-х и даже в 1970-х гг., и что ушло из-за страха попасть в армию. Были и другие социальные факторы, кото-

рые повели к маргинализации среднего профессионального образования. Но такого рода траектория должна восстановиться. При этом очень важно отметить, что она восстановится не обязательно в прежнем виде: человек сначала поступает в техникум, а потом в институт. У нас все будет называться ступенькой вуза, т.е. социальной мимикрии. И скорее всего, будет так. Потому что, к большому сожалению, в нашей НПО и СПО существует такой негативный эмоциональный заряд для семей, что очень мало вероятности, что в ближайшие 10 лет мы вернемся к классической схеме середины 1960-х. Это первая проблема. Соответственно есть разные варианты ее решения. Есть вариант решения, связанный с очень серьезным распространением дистантного образования. Что такое дистантное образование? Если оно употребляется по-глупому — это дешевая торговля знаком образования. В этом отношении оно крайне негативно будет сказываться на качестве образования, потому что, если оно целиком замещает всю программу очного образования, то уходит и эмоциональный контакт, уходит среда, в которую погружается человек, изучающий какие-то науки. И то дистантное образование, которое нам предлагают многие коллеги сейчас — это дешевый ответ на нехватку ресурсов, это очень плохой ответ. В то же самое время дистантное образование, как дополнительный ресурс для существующих очных и полуочных программ, ресурс, замещающий отсутствующего преподавателя по конкретному предмету (не всех, а именно по отсутствующему) — это абсолютно реальная вещь, которая может быть ответом, может позволить существенно поднять качество образования, а также достичь лучших результатов с относительно меньшими ресурсами в провинциальных техникумах и вузах.

Проблема *менеджеров* и вообще людей принимающих и влияющих на решения: экономистов, юристов. Сегодня мы на грани перепроизводства людей с соответствующим образованием. Но это ложная, обманная ситуация. Качество подготовки 75% таких студентов неудовлетворительно даже по меркам нашего нетребовательного рынка. На этом фоне быстро расширяется ниша платежеспособного спроса на западное образование и западных специалистов. Я могу прогнозировать сворачивание соответствующих программ в большинстве непрофильных вузов, сосредоточение спроса на вузах, имеющих репутацию. Это приблизительно 25–30% от существующего числа вузов, готовящих экономистов, юристов и менеджеров. Даже в условиях роста приема в два раза (что не очень вероятно) эти учебные заведения не сумеют покрыть весь платежеспособный спрос. Кто заполнит пустое место? Не исключено «второе пришествие» западных университетов и бизнес-школ. Платежеспособность населе-

ния к 2010 г. это позволит. Но будет очень быстро расти и выезд на учебу за рубеж. Если сейчас это 20 тыс. человек в год, то через 10 лет может быть 150 тыс. — 15% приема в вузы.

Вытеснение российских вузов со своего собственного рынка — это, к сожалению, вполне реальная перспектива. Я оцениваю ее вероятность (в упомянутом масштабе) как 50%. Ведь обучение в зарубежных вузах дает совершенно новый социальный капитал — выпускники могут работать по всему миру. Для международных компаний, работающих на российском рынке, и для крупных российских фирм западный диплом и соответствующие навыки (встроенность в международную бизнес-среду) выглядят более привлекательно, чем российский.

В чем здесь выход (вариант лучшего сценария)? Выход — именно в ускорении интеграции, поощрении интеграции наших вузов с зарубежными через систему кредитных единиц, зачета курсов, путем дистантного обучения, путем подготовки на выезд к третьему-четвертому курсу, подготовки на выезд в магистратуру. Посмотрите на Китай. Вот уж кто заботится о национальной безопасности. Но ведь не боится направлять студентов за рубеж, даже кредиты на обучение предоставляет. Рынок высшего образования стремительно глобализируется. Открытость есть единственная приемлемая форма поведения. Надо учиться стоять на ветру. Все остальное безнадежно.

Какие формы может принять интеграция в систему глобального образования?

Прежде всего это ориентация на международные стандарты качества. Такие стандарты будут задаваться бизнесом, а не академической средой. Соответственно произойдет значительное перераспределение спроса от «системного образования» (участия в официальных программах профессионального образования) к «несистемному», дающему востребуемый сертификат. Это будет обучением на коммерческой основе без каких-либо компромиссов.

Далее, рост возможностей использования удаленных информационных и образовательных ресурсов и дистантного обучения. В определенной степени такие возможности могут компенсировать нарастающее из-за нехватки квалифицированных кадров отставание «провинциального образования». Что же касается проблемы «дайте нам живого учителя», то, я думаю, что она как раз не безнадежна, потому что технология образования, на мой взгляд, должна измениться очень кардинально и должна произойти некоторая дифференциация преподавателей на тех, кто задает задачи, а это

может быть сделано дистантно, и тьюторов, которые возьмется с детьми здесь.

Е.Ф. Сабуров

Да, методолог-тьютор, которому необязательно быть компетентно-му в науках, о которых идет речь, но необходимо уметь обращаться с детьми и организовывать их работу. Таких вот методологов-тьюторов, или, по-старому скажем, нянь, у нас должно хватить. И здесь пропасть между сидением за компьютером и живым общением будет снята, тем более, что, я думаю, технология образования изменится столь существенно, что эти, возможно, групповые работы будут котироваться в Интернете, будут соотноситься. Здесь будут достаточно интересные, по-моему, явления, не все из которых мы можем сейчас предсказать. Поэтому здесь возможен некоторый оптимизм именно благодаря тенденции развития образования через изменения технологий образования. Это может действительно противостоять пессимистическому сценарию и явиться дополнительным регулированием тоже, кстати, вполне рыночного свойства, которое, вообще-то говоря, будет противостоящей тенденцией. Хотя, повторяю, потребность в высоком образовании будет, к сожалению, на мой взгляд, сокращаться просто из-за того, что люди смогут значительно больше делать в одиночку или какой-нибудь маленькой группой.

Я.И. Кузьминов

Что касается изменений технологий образования, я мог бы кое-что уточнить по поводу методологов-тьюторов, однако все-таки продолжу монотонное рассуждение, о том что будет завтра в России. Какие еще тенденции мне кажутся явными? Следующая тенденция — это, наряду с изменением фокуса образования, судьба социально-экономического образования. Напеченные, как пирожки, плохие экономисты, лингвисты, политологи, менеджеры и т.д. — это очень серьезная проблема на сегодняшний день. И возникает — все 90-е возникла — колоссальная профанация, которая сейчас уже стала бить по людям. На рынке, на бирже труда имеется огромное количество якобы культурологов, экономистов, юристов и т.д. Причем это «якобы» ни ими самими, ни массовыми работодателями не осознается. Осознается в лучшем случае образовательный бренд, мыслят в его пределах. Но что такое образовательный бренд? Например, в университете лучший в мире мехмат, а пользуясь этим, он достаточно успешно продает на рынке посредственных экономистов.

К сожалению, система образования такова, что действительно будут теряться ПТУ и техникумы. Но, видимо, внутри высшего образования будет происходить расслоение на университеты — ну раз

все институты сейчас стали университетами — и на реальные структуры высшего образования, как магистратура, например. Мне кажется, что использование этой ступенчатой системы может позволить окультурить возникающую тенденцию, т.е. в конечном счете — объявить просто 450 из 600 российских вузов вузами, которые не производят магистров, совместить с ними лучшую часть техникумов и решить тем самым эту проблему.

Е.Н. Пенская

В области общего образования, я думаю, как это ни странно, будет тоже расти спрос на разовые короткие продукты. На самом деле, Москва в этом смысле является одним из худших примеров. В Москве очень трудно, например, найти для ребенка летнюю программу — либо супердорогие, либо ничего вообще. Во всяком случае, в регионах существует масса летних программ относительно недорогих, скажем, 650 руб. за 3 дня, которые пользуются огромной популярностью. Если мы эту тенденцию, этот спрос соотнесем с линией, которая появляется в экстернате, то мы увидим, по крайней мере, в старшем школьном возрасте, то же самое желание уйти от жестких стандартизированных комплектов услуг к тому, что человек сам себе индивидуально строит. Выстраиваемая профильная школа выглядит пережитком индустриальной эпохи, в которой расписано, что в 9-м классе ты идешь на военно-технический профиль, и ты уже с этой дороги не свернешь. Ну, это не хуже, чем социально-экономический, в котором ты обязан пройти три профильных предмета, проштудировать их и не сворачивать с этой дороги. Мне кажется, что это очень позитивная тенденция. Если она будет поддержана должным образом общественными ресурсами, государственными ресурсами, она в какой-то мере может смикшировать кризис общего образования. Вот я вчера слышала какой-то разговор, как все-таки хорошо у нас дети выступают на олимпиадах. И действительно, опять ребята из провинции получили первое командное место по математике, впервые серьезный прорыв по биологии. Но вы знаете средний возраст учителей, которые их готовят? Вот если мы сейчас посмотрим историю этих учителей, то увидим, что их средний возраст 52 года. Это выше, чем средний возраст учителей вообще. То есть этих учителей готовили в вузах, возможно, еще выпускники гимназий — вот так. И это поколение уходит. У нас просто не останется людей. Я понимаю, что, может, я палку перегибаю, но, если перестанет выходить на работу уборщица Мария Ивановна, то у вас все будет грязно. Так и с культурой обучения — она исчезнет. Вузы вносят свой вклад в снижение престижности учительской профессии. И в этом смысле какие-то возникающие мелкие формы могут оказать существенную поддержку.

Я.И. Кузьминов

Фактически мы стоим на сегодняшний день перед такой же трагедией, которая произошла в Германии после Второй мировой войны — исчезновение фундаментальной науки. Сейчас там еле-еле начинают подходить к восстановлению своих традиций, мощнейшие в Европе традиции распались. Я боюсь, что нас ждет абсолютно то же самое. Это, кстати, некоторый ответ на то, сохраним мы или не сохраним свою фундаментальную науку. Я боюсь, что мы ее не сохраним по объективным обстоятельствам, даже если сейчас серьезные деньги вложить или в пять раз увеличить финансирование МГУ, Физтеха, МИФИ, Бауманского училища, госуниверситетов. В десять раз увеличить — все равно это будут уже другие люди. Тенденция такая — вот есть ученый, он получил какой-то грант, работает за границей, зарабатывает деньги, наконец, приезжает сюда, но он не идет преподавать — у него своя лаборатория, он что-то делает полгода, в лучшем случае, а потом опять уезжает.

Я согласен с тем, что масштабно ситуацию изменить нельзя, но все-таки некоторые спектры обозначить можно. Надо, конечно, добиваться увеличения финансирования высшей школы, но при этом ни в коем случае не направлять основную часть средств на автоматическое повышение зарплаты преподавателям. Дать их успешно занимающимся наукой, например преподаватель, публикующийся в известном научном журнале, должен зарабатывать в десять раз больше, чем тот, который ничего, скажем, в этом году не опубликовал. Это не изменит ситуацию кардинально, но даст какой-то шанс, хоть маленький.

Е.Н. Пенская

На мой взгляд, социальный заказ на образование должен меняться в двух плоскостях. Первое — это значительное расширение поля общего образования, выход его за рамки школы. Это общее социализирующее образование, как во всем мире. Я твердо уверена, что нашей страны это будет касаться точно так же, как и других. На сегодняшний день функции социализации человека, функции передачи ему необходимых для жизни в обществе знаний, навыков и т.д. уже выполняются в огромной степени. Люди идут учиться в вузы, в техникумы не столько для того, чтобы получить профессию, сколько для того, чтобы завершить свою социализацию. У нас здесь присутствует социолог, он может подтвердить, что это важнейшее социальное мероприятие в жизни.

Второе: видимо, сольются ПТУ и техникум. Такое образование, которое дает конкретную квалификацию на уровне ПТУ, уже вполне условно. Доля участия неквалифицированных людей и малоквалифицированных в производстве стремительно сокращается. Они прев-

ращаются в нахлебников общества. В развитых странах это на 100% так. Следующий предварительный вывод, который я бы сделала, — это необходимость резкого обновления квалификации, ограничение срока дееспособности полученной конкретной квалификации. Люди, которые получили квалификацию, должны быть готовы постоянно ее обновлять. Вопрос в том, за чей счет они будут ее обновлять: за собственный или за счет фирмы, где они работают. И в этом отношении есть явная тенденция фундаментализации высшего образования и любого другого образования, претендующего на то, что получение его будет гарантировать профессиональную квалификацию. При этом конкретные навыки каждой квалификации должны даваться не столько в учебном заведении, сколько на предприятии, или в каких-то коммерчески организованных структурах. Поскольку здесь существует выраженный денежный интерес, нет никакой необходимости субсидировать это за счет общественных фондов.

Что касается структуры образования, в ней должны произойти большие сдвиги в области профессий, обеспечивающих сервис. На сегодняшний день существует большая разница между подготовкой специалистов и требуемой сервисной квалификацией. Мы долго обсуждали, что такое сервис, и пришли к выводу, что это те квалификации, которые требуют непосредственного контакта с людьми. Если ты слесарь-ремонтник, то ты можешь не общаться с людьми. А если ты слесарь-сантехник, то общение неизбежно. Резко возрастает доля квалификаций, доля рабочих мест, которые относятся к сфере обслуживания. От этого будет гораздо более востребован социальный аспект такого образования, даже в секторах продавцов, дежурных по общежитию и т.п.

Д.Л. Константиновский

Действительно, возрастает роль не только овладения какими-то навыками, о чем здесь хорошо говорилось, но и общесоциализирующая роль образования. Новой экономике нужен работник социализированный, именно он и сможет работать с клиентом, будет мотивированным, дисциплинированным и т.д. Почему выпускников вузов охотно берут на должности секретарей, младших менеджеров, да просто на должности продавцов? Ведь их профессиональные знания, если они есть, там вовсе не нужны. Потому берут, что головы у них уже обустроены соответствующим образом за годы учебы, они прошли процесс социализации в вузе. А посмотрите на ПТУ. Преподаватели, мастера там говорят: да наша задача — не столько дать этим подросткам профессию или общее образование, сколько уберечь их от улицы, переориентировать их с улицы. И гордятся тем, что удастся сделать что-то именно в этом плане. Это мы

говорим — учащиеся ПТУ, а преподаватели там, я выслушивал их, обычно называют иначе — воспитанники. Да и работодатели говорят: я сам научу выпускника ПТУ профессии, на это много времени не надо, сделаю это за каких-нибудь три месяца, вы мне дайте только такого подростка, который не пьет, не колется, хочет работать. Выглядит все это, может быть, как задача однолинейная, простая, но на самом деле — огромный труд, тяжелый, кропотливый, требующий профессиональных знаний и призвания, связано ли это с ПТУ, с техникумом или с вузом.

А.А. Пинский

Гете говорил: относительно одной и той же вещи можно ставить вопрос на уровне «что?», а можно ставить вопрос в разрезе «как?» Мы способны рисовать довольно разные онтологии образовательного пространства. И мы можем пытаться предугадать, вычислить, обосновать, какая картина лучше, какая картина больше соответствует рынку труда или экономическим трендам, или общественному сознанию и т.д. Но я хотел бы сейчас обозначить, может быть, в постановочном плане, сопряженную проблему. А именно — «как?» Ярослав Кузьминов приводил около месяца назад в большой статье своей в «Учительской газете» такую цифру: в сфере обслуживания у нас занято почти 60% населения. Соответствующая доля в среднем профессиональном образовании составляет 1,1%, в высшем — 3–4%. Мы можем говорить сколько угодно долго, что вот такая образовательная ситуация чему-то не соответствует, но возникает вопрос: а как от этой дисгармоничной ситуации можно мыслить переход к более адекватной? Я предложил в своем выступлении довольно прямолинейный ход. Рынок выравнивает такие диспропорции на долгосрочных и среднесрочных интервалах времени. Если применительно к школьной сфере механизм рыночной регуляции отсутствует, ибо отсутствует рынок, то тогда встает вопрос «как?» Тогда, получается, единственная возможность — это некий линейный управленческий ход. Какой-то умный X, неважно кто, придумает нечто толковое, вменит это некоему обер-управленцу, и тот по управленческой вертикали реализует более адекватный проект и «эту хорошую онтологию» выстроит. Однако система управления применительно к школьному сектору образования, по крайней мере на сегодня, такова, что эта вертикаль не работает, не считая того, что она несимпатична и малоэффективна. И поэтому для меня главным остается вопрос: если мы табуируем — по политическим соображениям или по традиции — идею рыночной регуляции в образовании, то каким образом мы будем приходить к сбалансированной и более гармоничной ситуации 2013 г.?

Я.И. Кузьминов

Я не предлагаю отодвигаться от тематики рынка образования к другим вопросам, но одно уточнение я бы хотел сделать. Плохо-то ведь не то, что где-то максимизируется прибыль. Не надо этого пугаться. Плохо в данном случае то, что (как, повторяю, строго доказано экономической наукой) максимизация прибыли в одних обстоятельствах есть сигнал максимизации того, что экономисты называют общественной полезностью. Производство хлеба ничуть не хуже производства школьного образования. Но при производстве хлеба максимизация частной прибыли обеспечивает максимизацию функции общественного благосостояния, а в образовании — заведомо нет. Это *merit good*, товар с огромными позитивными внешними эффектами. Общество часто больше заинтересовано в образовании своих членов, чем они сами. И если максимизация частной прибыли от образовательных программ будет происходить за счет отсекаания малоплатежеспособного спроса — общество потеряет. А это совершенно реальная ситуация. Рынок ведь основан на простом регулятивном механизме. Это принцип добровольности вступления в отношение — раз, и принцип опоры на собственные ограниченные ресурсы — два. Образование может быть эффективно организовано на рыночной основе, но только с серьезными дополнениями. Общество должно, во-первых, принуждать граждан учиться (если надо, даже нерыночными методами), во-вторых, софинансировать недостаточный спрос, в-третьих, регулировать качество. Либертаризм — последнее, что нужно российскому образованию.

Л.И. Якобсон

Я позволю себе заполнить паузу коротким ответом на то, что прозвучало. Дело не в политически обусловленных табу. Экономика не слишком строгая наука, однако в некоторых случаях она достаточно строга. Приведу пример. В сфере школьного образования эффективность не максимизируется на основе свободного действия рыночных сил. Это доказывается достаточно легко, как знают студенты-экономисты во всем мире. Коль скоро рынок не обеспечивает оптимизации, его приходится в той или иной мере ограничивать. Всюду ли это делается в одинаковой степени и одинаковыми средствами? Нет, причем сказываются не только объективные обстоятельства, но и политические предпочтения, и идеология, конечно.

Как бы то ни было, сугубо объективным может быть ответ на вопрос, почему нельзя ограничиться благоприятствованием рынку. Но теория не дает исчерпывающего ответа на вопрос, как оптимизировать политику в данной сфере. К тому же политика формируется не каким-то неведомым существом, желающим максимизировать абстрактную эффективность и обеспечить всеобщее счастье.

Дело не только в том, что подобное существо не нашло бы вполне надежных рецептов в экономической теории. Политика определяется людьми, вовлеченными в ее формирование. Хочу подчеркнуть — не только «высоким начальством», которое обычно выступает скорее в роли арбитра, а прежде всего теми, кто активно выдвигает проблемы и предлагает варианты их решения, в разных формах лоббирует свои интересы и т.п.

Между прочим, экономическая теория помогает анализировать не только рынки, но и политические процессы. Например, она помогает понять, почему те или иные вопросы имеют больше шансов попасть в «повестку дня», как формируются формальные и неформальные коалиции политических сил и лоббистов и т.д. Все это экономисты называют процессами общественного выбора.

Так вот, особенности нашей образовательной политики в огромной степени производны от того, что пространство общественного выбора в образовании почти полностью монополизировано теми, кто в этой сфере работает. Конечно, право решать остается за «начальством», но на практике оно мало что может, кроме реагирования на «повестку дня» и варианты решений, вырабатываемые внутри профессионального сообщества. Сегодня в нем самом существует широкий спектр мнений и интересов, что определяет немалую напряженность в пространстве, о котором я говорил. Но ведь есть еще мнения и интересы потребителей услуг, а они в этом пространстве представлены пока слабо.

Да и интересы разных слоев самой «образовательной корпорации» представлены далеко не в одинаковой степени. Например, школьных учителей «слышно» меньше, чем вузовских профессоров, но больше, чем мастеров производственного обучения НПО. Это вполне реально отражается на проводимой политике, будь то финансирование или внимание к разным аспектам реформ.

И.Д. Фрумин

Мне кажется, можно говорить о том, что в моделях реализации стратегии, которые мы до сих пор рассматриваем, мы видим двух возможных субъектов — государство с его усиливающейся вертикалью власти и бизнес. О чем, как мне кажется, говорит Лев Ильич Якобсон: существуют другие механизмы реализации общественных и индивидуальных устремлений, потребностей, интересов. А именно то, что даже слова «демократия» или «общественность» в России начинают приобретать иронично неприличный характер. Поэтому я буду использовать английское слово, а именно, слово «public». Когда мы переводили на заре перестройки российские образовательные тексты и называли школы «state schools», нас просто не понимали,

потому что это «public organisation», управляемые особым образом. И этот «non-profit» сектор, неприбыльный, некоммерческий и контролируемый общественностью (извините за это слово), растет. Поэтому, например, я был совершенно поражен, узнав, что в Англии существуют два частных университета, т.е. действующих в абсолютной рыночной ситуации. Интересно, что «Би-Би-Си» является «public organisation», и сейчас это стало ясно видно. Мне кажется ошибочным выбор между государственным и рыночным, коммерческим. Потому что на рынке действует механизм (пусть экономисты меня поправят) максимизации прибыли. А здесь, в общественном секторе, действуют другие механизмы. В условиях федеративного государства отношения федерального и региональных уровней в некотором смысле напоминали отношения государства и общества. Там возникали противоречия внутри государственной структуры. И за счет этого появлялись открытые каналы коммуникации, дискуссии, необходимость договариваться, а не только жесткое иерархическое подчинение. С усилением вертикали власти и этот важный дискурс начинает уплощаться, что вполне правильно с точки зрения власти. Но с точки зрения общей ситуации, коммуникации и общественной дискуссии это очень тревожно. Потому что этот образующийся вакуум ничем не заполняется.

А.А. Фурсенко

Три вопроса, которые мне самому интересны, может быть, имеют отношение к тому, что мы обсуждаем. Первый вопрос — о том, чего не хватает. Если говорить с позиции инновационной экономики, страшный дефицит — это квалифицированные люди, владеющие новым инструментарием. Грубо говоря, станочники — тоже дефицит. Но это вчерашний день. Они дефицитны, потому что вдруг оказалось, что надо тачать детали, а этого уже никто не умеет и не может. Старые разбежались, новые не научились. На самом деле, их ищут, но это не вопрос образования. А вот люди с новым инструментарием... Например, есть системные подходы к созданию новых технологий, новых изделий... Этим занимаются технологи с инструментарием программистов, специалистов «софта», но при этом понимающие материал, сам предмет. Сколько бы мы ни говорили о многоуровневой системе подготовки — этих специалистов сегодня нет. В новых экономических структурах, а сегодня новые экономические структуры — это малые и средние предприятия, такие люди сегодня — самый страшный дефицит. Мои бывшие коллеги повторяют мне, что некому работать. Поэтому я считаю: на ближайший год-три, может быть даже пять, в таких работниках будет большой недостаток, но создавать стратегию, основываясь на этом, наверно, неправильно, потому что со вре-

менем этот дефицит пойдет, видимо, на спад. Если бы лет пять назад мы поняли, в чем будем сегодня нуждаться, то вузы, которые сегодня уже имели бы выпускников этой специальности, могли бы очень неплохо, как сейчас говорят, «приподняться». Потому что это спрос, который оплачивается. Структуры и предприятия, о которых я говорил, готовы платить за этих людей.

Что касается послезавтрашнего дня, я согласен с Ярославом Кузьминовым, что это вопрос сервиса, основанного на идее гуманитарных технологий. Сервис должен быть основан не на знании технологии, а на знании социологии: социальной психологии того, кто обслуживается. Это будет востребовано, я думаю, у нас, в России, лет через пять-семь. Это действительно потребует всерьез, начнется конкуренция. Сегодня технологические знания достаточны для того, чтобы удовлетворять определенным требованиям. Лет через пять этого будет мало. Начнется конкуренция на следующем уровне. Это первый вопрос — о том, что, собственно говоря, мы имеем.

Теперь — второй вопрос. Хотим мы этого или не хотим, мы все равно будем говорить об образовании как о рыночном продукте. Если рассматривать его как рыночный продукт (а мы от этого никуда не денемся, потому что он таковым является), то и подходить к нему надо, как к нормальному рыночному продукту. Должна быть маркетинговая политика. То есть: изучение того, кому это можно продать и можно ли это продать? Какие есть зоны, в которых мы можем быть успешны с точки зрения продажи? Какие рынки нас ждут? Я в свое время был большим любителем фантастики. И прочитал несколько фантастических рассказов о том, как при подготовке специалистов не успевают вложить им нужные знания, потому что вскоре становятся нужны совсем другие. Это времена, может быть, и будущего, но не очень далекого будущего. Я могу сказать в качестве комментария, что сегодня реальный бренд образования, за который платят деньги, — это бренд американского образования. И все хотят это американское образование иметь, как я понимаю, не столько потому, что оно качественное, а потому, что это хороший рыночный продукт. При этом, если говорить об образовании как о рыночном продукте, надо очень серьезное внимание уделять продвижению этого бренда. Я говорю о бренде европейского образования, частью которого является российское. Как его продвигать? Объяснять ли, что мы первые спутник запустили и до сих пор можем запускать, или предусмотреть более изобретательные ходы — это отдельный вопрос. Но абсолютно ясно, что надо действовать этими методами. Делать вид, что у образования своя специфика, и поэтому можно, работая на рынке, действовать нерыночными методами — с моей точки зрения, бес-

смысленно. При этом, если говорить о рыночной выгодности образования, то выгода эта не столько прямая, сколько косвенная. Важно не то, сколько ты продал специалистов за определенную сумму. Я, например, считаю, что продвижение наших технологических стандартов через обучение специалистов гораздо эффективнее, чем любым другим путем. Например, мы до сих пор достаточно успешно продаем оружие. Это связано с тем, что в свое время мы довольно много иностранных граждан бесплатно обучили военному делу. Кстати, многие специалисты, которые определяют сейчас политику в Китае, в Индии, получали образование у нас. Им наши стандарты усвоить проще, и это означает, что мы имеем дополнительный шанс выиграть тендеры. Я считаю, что об этом можно говорить и надо говорить. И надо объяснять, что если ты хочешь продвигать свои атомные станции или другой товар в такие-то страны, то должен оплачивать обучение студентов из этих стран. Причем строить такие планы нужно стратегически — думать, в какой стране мы хотим через 5 лет построить свою станцию. Это вторая тема, которая имеет отношение к нашему разговору.

И третий вопрос — это методология образования. Я рассматриваю РАН как мощнейший образовательный фактор. Достаточно вспомнить лучшие институты Академии. Другое дело, что этих институтов не 400, как сегодня пишут, а все-таки поменьше. Это было и есть уникальное образование энциклопедического круга дисциплин, абсолютно универсальное. Все-таки в западных университетах, которые тоже не дисциплинарные, граница между различными факультетами существенно заметнее. А возьмите ту же химфизику, мой родной физтех питерский — там настолько были смешаны различные направления, что появлялась потрясающая возможность создать образование нового уровня, следующей стадии. Как они могут и должны трансформироваться — это отдельный вопрос. Так исторически сложилось, что у нас в рамках РАН создались несколько абсолютно потрясающих образовательных зон. Это наши зоны совершенства. Сомнительные, может быть, с точки зрения экономики, но абсолютно выдающиеся с точки зрения жизни. Других таких просто нет.

Теперь — аспект методологический. Я считаю, что у нас неважно отработан интерфейс между образованием и требованиями жизни. Что я имею в виду? Были в советское время базовые кафедры — в крупных НПО, в мощных академических и оборонных институтах. Это был очень сильный интерфейс, причем вполне рабочий. Если говорить об экономике, я считаю, что перспектива в значительной степени связана с возникновением инновационного бизнеса. Это малые фирмы, которые, может быть, превращаются в сред-

ние, а на их основе возникают кластеры и т.п. Интерфейс между этими малыми фирмами и образовательными структурами, с моей точки зрения, неэффективен. Все технопарки, которые сейчас существуют при вузах, созданы были под другую задачу. Они были созданы в свое время, чтобы еще по одному каналу получить государственные деньги. И в полной мере не перестроились. Мне кажется, что создание базовых кафедр при элементах инновационной инфраструктуры могло бы методологически обеспечить переход к эффективному образованию. Кроме того, часто принципиальную роль играет не столько передача знаний, сколько выявление способностей. Невозможно обучить быть предпринимателем, можно обучить быть менеджером; у предпринимателя же можно только выявить способности бизнесмена.

Д.Л. Константиновский

Должна существовать определенная мотивация предпринимательства. Вообще говоря, необходимо это воспитывать. Это не с неба берущиеся способности.

А.А. Фурсенко

Я говорю не о том, что это «как выросло, так выросло». Речь идет о немного ином подходе. Если брать технолога, то ему нужен набор правильных знаний. А здесь просто набором знаний не обойтись. И я думаю, что это тоже связано в значительной степени с социальными моментами. Есть те, кого к людям подпускать можно, а есть те, кого к людям подпускать не стоит. Я не очень понимаю, как это можно оформить методологически, но, по-видимому, это необходимо сделать. И эта потребность будет проявляться пусть не завтра, но уж послезавтра точно, так что это станет принципиальным моментом с точки зрения конкурентоспособности.